

Седьмое число первого лунного месяца, раннее утро. Воздух подернулся легкой дымкой, в которой едва уловимо чувствовался запах серы.

Ван Ханьлинь осторожно и надежно прибил последний амулет из персикового дерева к дверной притолоке своего дома. Эти амулеты были тщательно вырезаны и расписаны таинственными древними символами, которые, как гласило поверье, отгоняют злых духов и берегут от напастей.

В этот момент со стороны входа в хутун донесся манящий аромат жареных палочек из теста — ютяо.

Ван Ханьлинь невольно сжал тормоза велосипеда и медленно остановился. Он глубоко вдохнул, словно пытаясь вобрать в себя весь этот запах целиком. Внезапно его внимание привлекла старая софора неподалеку. Там, закутавшись в темно-синий френч, молча стояла директор Ван. На ее груди под лучами восходящего солнца сверкал значок передового работника, на котором, если присмотреться, можно было заметить крупинки сахарной пудры — следы вчерашнего ночного бдения.

— Крестная! — лицо Ван Ханьлиня озарилось радостной улыбкой. Он поспешно спрыгнул с велосипеда и зашагал к ней.

Однако, прежде чем он успел подойти, директор Ван сама шагнула навстречу и сунула ему в руку бумажный сверток. Ван Ханьлинь почувствовал жар, идущий от свертка, заглянул внутрь и увидел несколько сваренных вкрутую яиц. Они еще дымились, согревая ладони и наполняя сердце теплом.

Директор Ван понизила голос и, наклонившись к самому уху Ханьлиня, прошептала:

— На сталелитейном заводе вводят государственно-частное управление. Не болтай лишнего в такое время, придержишься четкой позиции. На заводе сейчас неразбериха, не верь всему, что слышишь. Слушайся дядю Чжана, он в курсе всех внутренних дел.

— Крестная, дядя Чжан мне вчера уже говорил. Все в порядке, вы же меня знаете: я в политику не лезу, хочу лишь жить спокойно и счастливо.

— Ладно, иди на работу.

— Крестная, завтра я, возможно, поеду в деревню закупать припасы. Вам что-нибудь нужно?

— Будь осторожен в поездке, оформи разрешение на ношение оружия. И привези мне немного мяса. В моем районе живет мать погибшего героя, ей совсем худо — шестьдесят лет, как узнала о гибели сына, так и угасла душой. Хочу накормить ее пельменями, хоть что-то смогу сделать.

— Эх, ничего не попишешь. Если бы не было войн, если бы никто нас не притеснял, и мы могли бы спокойно заниматься экономикой — было бы совсем другое дело.

Крестная, больше не проронив ни слова, сразу отправилась на работу. Ван Ханьлинь лишь вздохнул: ресурсы, которые давало его личное пространство, могли обеспечить разве что отдел охраны, а для всего населения страны это была капля в море.

Железные ворота металлургического комбината Хунсин дрожали от порывов ледяного ветра. Ван Ханьлинь катил велосипед, не в силах выбросить из головы слова крестной. Быть человеком, проживающим жизнь заново, видеть проблемы и не иметь возможности их исправить — это настоящее мучение.

Так, сегодня же медосмотр, нельзя опаздывать, надо быстрее в офис, а оттуда в поликлинику.

В кабинете для осмотра стоял резкий, въедливый запах спирта, который, казалось, проникал прямо в мозг, заставляя невольно морщиться. Когда холодная мембрана стетоскопа коснулась обнаженной груди Ван Ханьлиня, его тело непроизвольно вздрогнуло.

В этот же миг в ушах послышался странный звук — журчание воды, чистое и звонкое, словно горный ручей. Врач в белом халате нахмурился, не сводя глаз с прибора, и удивленно произнес:

— Почему пульс внезапно подскочил до ста двадцати?

С этими словами запах антисептика в воздухе бесследно исчез, а на смену ему пришел густой, свежий аромат спелого риса. Ван Ханьлинь широко открыл глаза — зрелище перед ним было поразительным.

Перед ним раскинулось бескрайнее золотое поле. Легкий ветерок шевелил колосья, и по полю пробегали одна за другой золотые волны. В центре поля блестел пруд, из которого вдруг с плеском выпрыгнула сизая рыба, рассыпав вокруг сверкающие на солнце брызги. Рис, росший уже тридцать дней, был длинным и полновесным, так что стебли сгибались под тяжестью зерен. Но странно: хотя поверхность воды была гладкой, как зеркало, в ней совершенно не отражался сам Ван Ханьлинь.

— Товарищ Сяо Ван?

Мягкий голос вернул его в реальность. Медсестра, катившая тележку, подошла ближе. На тележке стояла белая эмалированная кружка. Она с улыбкой открыла крышку, и оттуда повалил пар: в горячей воде разбухли ярко-красные ягоды годжи, похожие на диковинные кораллы.

Когда Ван Ханьлиню наконец выдали лист с результатами осмотра, он увидел на нем яркую

красную печать с четкой надписью: Класс А.

Все недавние видения словно стерлись под этой печатью, все вернулось в норму. Но когда он разжал ладонь, то обнаружил на ней несколько мелких рисовых чешуек. Ощущение было настолько реальным, что оно безмолвно напоминало: произошедшее было не просто галлюцинацией.

Он поспешно погрузил сознание в свое пространство — рис созрел.

Ха-ха-ха! — мысленно расхохотался он. — Вот оно, вот моя истинная опора!

<http://bllate.org/book/18479/1773181>